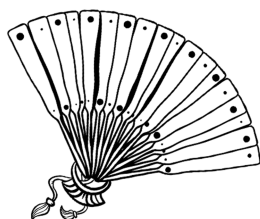

ЮКИ-ОННА,

или Записки
о ёкаях

ЛАФКАДИО ХИРН

КОМИЛЬФО
КОМИКСЫ И НЕ ТОЛЬКО

Москва
2025

УДК 821.111(73)
ББК 84
Х49

В оформлении обложки и во внутреннем оформлении
использованы иллюстрации draft.Anna

Хирн, Лафкадио.
Х49 Юки-онна, или Записки о ёкаях / Лафкадио Хирн;
[перевод с английского В. С. Сергеевой]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 224 с. : ил. — (Комильфо. Страш-
ные сказки Азии).

ISBN 978-5-04-204601-8

Мистический мир ёкаев, неприкаянных духов и загадочных
существ всегда притягивал и вызывал трепет.

В японском фольклоре страшные истории о сверхъестествен-
ном получили название — кайданы.

Такие легенды бережно собирал и записывал популярный вос-
токовед Лафкадио Хирн, много лет проживший в Японии.

В этой книге собраны интереснейшие из его находок.

Кайданы о снежной женщине Юки-онна, чудовищах-людое-
дах, крошечных самураях и мстительных духах приоткроют дверь
в мир потустороннего.

УДК 821.111(73)
ББК 84

ISBN 978-5-04-204601-8

© Сергеева В. С., перевод, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ¹

Была весна; дело происходило в деревне Като провинции Харима. Акана, самурай из Идзумо, хотел навестить родные края.

Хасэбэ сказал:

— Идзумо — Страна Восьми Летящих Облаков² — лежит далеко отсюда. Поэтому вам, вероятно, трудно назвать точный день своего возвращения. Но если вы сможете его определить, то осчастливите нас. Мы приготовим пир в честь вашего приезда и будем ждать вас у ворот.

— Что ж, — отвечал Акана, — я много путешествовал и, как правило, способен заранее рассчитать, сколько времени займет дорога. Я могу с уверенностью пообещать вам, что вернусь... ну, скажем, на праздник Тёё³.

¹ Взято из «Угэцу моногатари». (Здесь и далее прим. автора и переводчика.)

² Древнее поэтическое название провинции Идзумо, или Унсю.

³ Он же Тёё-но сэкку.

Хасэбэ произнес:

— То есть на девятый день девятого месяца, когда цветут хризантемы. Мы полюбуемся ими вместе. Как замечательно! Так, значит, вы обещаете прийти в девятый день девятого месяца?

— В девятый день девятого месяца, — повторил Акана, улыбнулся на прощание и зашагал прочь от деревни Като, что в провинции Харима, а Хасэбэ Сомон и его мать смотрели ему вслед со слезами на глазах.

Старинная японская пословица гласит: «Ни солнце, ни луна не медлят в пути». Быстро шло время; настала осень — пора хризантем. На девятый день девятого месяца Хасэбэ с раннего утра стал готовиться к встрече названного брата. Он позаботился об угощении, купил вина, украсил комнату и наполнил стоявшие в нишах вазы разноцветными хризантемами. Мать, глядя на него, сказала:

— Сынок, до Идзумо не меньше сотни ри¹; путь через горы труден и опасен. Никто не поручится, что Акана прибудет сегодня. Не лучше ли будет, прежде чем утруждать себя, дожждаться его возвращения?

¹ Ри равно примерно двум с половиной английским милям (около 3,9 км).

— Нет, матушка, — ответил Хасэбэ. — Акана обещал вернуться сегодня, и он не нарушит слова. Если мы начнем готовиться к празднику после его прихода, он поймет, что мы усомнились в его честном слове. Для нас это будет большой позор.

Погода стояла прекрасная, безоблачная, воздух был так чист, что мир казался бескрайним. С самого утра много путников проходило через деревню; попадались среди них и самураи, и Хасэбэ, выходя на них поглядеть, не раз думал, что вон он, Акана. Но колокола в храме пробили полдень, а Аканы все не было. Целый день Хасэбэ ждал напрасно. Солнце село, а названный брат по-прежнему не показывался. Но Хасэбэ все стоял у ворот и смотрел на дорогу. Наконец мать подошла к нему и сказала:

— Тебе ведь известно присловье, сынок: «Человеческая душа переменчива, как погода осенью». До завтра хризантемы не завянут. Ступай спать, а утром, если угодно, снова будешь ждать Акану.

— Отдыхай, матушка, — ответил Хасэбэ, — а я подожду. Я верю, что он придет.

Мать отправилась к себе, а Хасэбэ остался стоять у ворот. Ночь была такой же ясной, как день,

и белая Небесная Река блистала необыкновенной красотой.

Деревня спала. Тишину нарушал только плеск ручья, да где-то вдалеке лаяли собаки. Хасэбэ ждал... ждал, пока месяц не скрылся за окрестными холмами. Тогда он наконец засомневался — и ощутил страх. Хасэбэ уже намеревался вернуться в дом, когда увидел, что по дороге легко и быстро шагает кто-то рослый... еще мгновение — и он узнал Акану.

— Это вы! — воскликнул Хасэбэ, бросаясь навстречу. — Я ждал вас с самого утра! Вы сдержали обещание! Боюсь, вы утомились, мой бедный брат, — входите же, к вашему возвращению все готово!

Он усадил Акану на почетное место и поспешно поправил светильники, которые едва горели.

— Матушка утомилась и уже легла, — продолжал Хасэбэ, — но я немедленно ее разбужу.

Акана неодобрительно покачал головой.

— Как вам угодно, брат, — сказал Хасэбэ и поставил перед гостем еду и вино.

Акана не прикоснулся ни к тому, ни к другому; некоторое время он молчал и сидел неподвижно, а потом заговорил шепотом, словно боясь разбудить мать Хасэбэ.

— Я должен поведать вам, как вышло, что я чуть не опоздал. Вернувшись в Идзумо, я обнаружил, что жители забыли доброту нашего прежнего повелителя, славного Энъи, и стали искать благосклонности узурпатора Цунэхисы, который захватил замок Тонда. Однако мне было необходимо навестить своего двоюродного брата, Акану Тэндзи, хоть он и перешел на службу к Цунэхисе. Он убедил меня увидеться с Цунэхисой; я согласился, главным образом желая изучить характер нового правителя, поскольку раньше я с ним не встречался. Цунэхиса — опытный и храбрый воин, но он хитер и жесток. Я дал понять, что никогда не стану ему служить. Когда аудиенция окончилась, он велел моему родственнику схватить меня и держать под караулом в доме. Я сказал, что обещал вернуться в Хариму на девятый день девятого месяца, однако меня не отпустили. Тогда я попытался сбежать из крепости ночью, но за мной зорко следили. Лишь сегодня я придумал, как исполнить обещание...

— Сегодня? — изумленно воскликнул Хасэбэ. — Но Идзумо ведь в сотне ри отсюда!

— Да, — отвечал Акана, — и никто не способен пройти сто ри за один день. Но я знал — если я не сдержу слово, вы, быть может, плохо

подумаете обо мне. И тогда я вспомнил старую поговорку: «Человеческая душа может за день совершить путь в тысячу ри». К счастью, у меня не отобрали меч, только благодаря этому я сдержал слово... Береги мать.

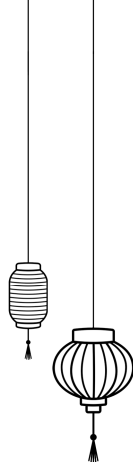
С этими словами он встал и в то же мгновение исчез.

Тут Хасэбэ понял, что Акана покончил с собой, чтобы исполнить обещание.

На рассвете Хасэбэ Сомон отправился в замок Тонда, что в провинции Идзумо. Добравшись до Мацуэ, он узнал, что на девятый день девятого месяца Акана Сомон совершил харакири в крепости, в доме Аканы Тэндзи. Тогда Хасэбэ пошел к Акане Тэндзи, обвинил его в предательстве, убил на глазах у всей семьи и скрылся. Узнав об этом, Цунэхиса велел не преследовать Хасэбэ. Жестокий и неразборчивый в средствах, он тем не менее уважал в людях стремление к правде. Цунэхиса по достоинству оценил отвагу и верность Хасэбэ Сомона.

НАРУШЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ¹

— Я не боюсь смерти, — сказала умирающая, — и тревожит меня лишь одно. Жаль, я не узнаю, кто займет мое место в доме.

— Милая, — ответил скорбящий муж, — его не займет никто. Я никогда не женюсь.

Он говорил от чистого сердца, потому что искренне любил женщину, которая лежала на одре смерти.

— Клянетесь честью самурая? — слабо улыбнувшись, спросила та.

— Клянусь честью самурая, — ответил тот и погладил бледную щеку жены.

— Тогда, любимый муж, — сказала она, — велите похоронить меня под сливовыми деревьями,

¹ Легенда провинции Идзумо.

которые мы посадили в дальнем углу сада. Я давно хотела об этом попросить, однако думала: если вы намерены жениться, вам не понравится, что могила так близко к дому. Но, раз вы пообещали, что другая женщина не займет мое место, я могу без колебаний выразить свое желание... я очень хочу, чтобы меня похоронили в саду! Там я буду иногда слышать ваш голос, а весной любоваться цветами...

— Я все сделаю, как ты хочешь, — произнес муж. — Но не говори о похоронах — мы еще не утратили надежду.

— А я уже не надеюсь, — сказала женщина. — Утром меня не станет. Так вы похороните меня в саду?

— Да, — сказал он. — В тени сливовых деревьев, которые мы с тобой посадили. У тебя будет прекрасная гробница.

— И положите со мной маленький колокольчик.

— Колокольчик?

— Да, я прошу, чтобы в гроб положили колокольчик, вроде тех, что носят буддийские паломники. Можно?

— У тебя будет колокольчик и все, чего ты захочешь.

— Мне больше ничего не нужно, — сказала жена. — Любимый мой, вы всегда были так добры ко мне. Я умираю счастливой.

Она закрыла глаза и умерла — легко, как засыпают наигравшиеся дети. Мертвая, она была прекрасна; на губах у нее застыла улыбка.

Ее похоронили в саду, в тени любимых деревьев, и положили в гроб маленький колокольчик. Над могилой возвели красивый памятник, украшенный семейным гербом и надписью (каймё)¹: «Старшей сестре, Сияющей Тени Цветущей Сливы, обитающей в чертогах Великого Моря Со-страдания».

Однако спустя год после смерти жены родственники и друзья самурая принялись настаивать, чтобы он женился вновь.

— Вы еще молоды, к тому же единственный сын в семье, а детей у вас нет, — говорили они. — Жениться — ваш долг. Если вы умрете бездетным, кто будет приносить жертвы и помянуть предков?

Его так уговаривали, что в конце концов он решил вступить в брак. Невесте было всего семнадцать лет, и мужчина страстно в нее влю-

¹ К а й м ё — посмертное буддийское имя, которое дается усопшему. Это слово буквально означает «имя-сила».

бился, хоть гробница и высилась в саду неммым упреком.

В течение семи дней ничто не нарушало счастья новобрачной; затем служба потребовала присутствия мужа по ночам в замке господина. В первый вечер, когда он ушел, молодой женщине было беспокойно, хоть она и не понимала, в чем дело, — она просто чувствовала смутный страх безо всякой причины. Она легла спать, но не смогла уснуть. В комнате было душно, как перед грозой.

Глубокой ночью, в Час Быка, женщина услышала звон колокольчика, какой носят с собой буддийские паломники. Она удивилась: что понадобилось паломнику в самурайском квартале в такое время? Звон ненадолго затих, а затем раздался ближе. Очевидно, путник приближался к дому, но почему-то со стороны сада, куда не было хода с улицы. Вдруг ужасающе завывли и закулили собаки. Молодую женщину охватил ужас, как в страшном сне... Колокольчик звенел в саду... Она хотела встать и разбудить служанку, но обнаружила, что не может подняться — не может шевельнуть и пальцем, — не может крикнуть... Все ближе, ближе слышался звон колокольчика... О, как завывли собаки!

Хотя двери были крепко заперты и ширмы стояли на месте, в спальню легко, словно тень, скользнула женщина... женщина в погребальном одеянии, с колокольчиком в руке.

Она была давно мертва, и распущенные волосы висели у нее вдоль безглазого лица; сквозь спутанные пряди она взглянула на молодую жену, и безъязыкий рот произнес:

— Нечего тебе делать в этом доме! Здесь по-прежнему я хозяйка! Уходи отсюда, но никому не говори, что случилось. Если скажешь ему, я разорву тебя на части!

Промолвив это, призрак исчез. Молодая жена лишилась чувств от страха и пролежала так до рассвета.

Впрочем, при свете дня она усомнилась в том, что видела. Предостережение призрака по-прежнему тяжким бременем лежало у нее на душе, и она не посмела никому об этом рассказать, даже мужу; но женщина почти убедила себя, что ей просто-напросто приснился страшный сон.

Однако на следующую ночь все сомнения развеялись. Опять в Час Быка завывли и заскулили собаки, опять зазвонил колокольчик, опять новобрачная тщетно пыталась встать и позвать служанку. Мертвая вошла в комнату, приблизи-